

Некрасов Николай Алексеевич

Мертвое озеро

Том 3, части 11-15

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Алексеевич Н.**
Мертвое озеро: Том 3, части 11-15 / Некрасов Николай Алексеевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 266 с.

ISBN 978-5-519-98904-6

ISBN 978-5-519-98904-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МЕРТВОЕ ОЗЕРО.

РОМАНЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЧАСТЬ ОДИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ІІ.

ТАБАЧНАЯ И СИГАРОЧНАЯ ФАБРИКА АВГУСТА ШТУКЕНБЕРГА.

Въ Петербургѣ, въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ особенно любятъ потолковать о томъ, кто какъ живетъ, наживаетъ и проживаетъ, въ некоторое время предметомъ толковъ былъ одинъ разбогатѣвшій табачный и сигарочный фабрикантъ, выстроившій домъ въ лучшей части города, каменный, трехъ-этажный, облепленный до второго этажа вывѣсками, посреди которыхъ бросалась въ глаза большая вывѣска: «Табачная и сигарочная фабрика Августа Штукенберга». Въ эту самую эпоху и въ этотъ именно домъ намъ приходится перенести дѣйствіе нашего романа.

Домъ Штукенберга снаружи ничѣмъ особенно не отличался; но при входѣ въ ворота нельзя было не замѣтить во всемъ строгого

порядка и необыкновенной опрятности. Подъ воротами, направо, вошедшій читалъ вывѣску: «домовая контора», и возлѣ нея находилъ отставного солдата, который давалъ на вопросы отвѣты — тутъ же, или приглашалъ въ контору. На дворѣ, направо были нумерованныя квартиры, налево — кладовыя, конюшни и сарай. Между кладовыми была одна съ надписью: «пожарная», въ которой хранились пожарныя трубы для прінятія скорѣйшихъ мѣръ въ первыя минуты пожара; впрочемъ, домъ былъ застрахованъ. Дворъ оканчивался воротами, сквозь которыя виднѣлась длинная перспектива другого двора, также чисто выметеннаго, и въ концѣ его деревянный флигель съ часами вверху.

На первомъ дворѣ жили самъ хозяинъ и жильцы, помѣщалось нѣсколько магазиновъ; на второмъ всѣ помѣщенія заняты были фабрикой и мастеровыми.

Фабрика собственно помѣщалась въ особомъ зданіи и была раздѣлена на четыре отдѣленія. Изъ нихъ въ первомъ до пятидесяти женщинъ сидѣли рядомъ за горами листового табаку и приготовляли его для сигаръ, обрывая листья отъ стебля; во второмъ — табакъ крошился и набивался въ картузы; въ третьемъ и четвертомъ, которыя находились во второмъ этажѣ, надъ первыми двумя, производилось изготовленіе сигаръ. Каждое изъ послѣднихъ двухъ отдѣленій занимало по большой свѣтлой комнатѣ въ десять оконъ и было устроено и обставлено одинаково: посреди компаты, во всю длину ея, стоялъ столъ, за которымъ съ обѣихъ сторонъ сидѣло человѣкъ болѣе ста мастеровыхъ, въ красныхъ и голубыхъ шапкахъ съ кистями, предохранявшихъ волосы отъ ѣдкой табачной пыли и придававшихъ вообще очень красивый и веселый видъ мастерской, особенно когда въ ней раздадутся пѣсни. Между мастеровыми, живущими на жалованьи, разсажены были мальчики, отданные въ ученье по контракту; они обвертывали въ табачные листы стебли и мелкіе обрывки по ровнымъ количествамъ и свертки передавали мастеровымъ, которые окончательно превращали ихъ въ сигары.

У стѣны, противоположной окнамъ, на лавкахъ, стояли корзины съ табакомъ, приготовленнымъ женщинами внизу, и вѣсы, къ которымъ мальчики по временамъ подходили, подставляли фартукъ и получали отъ прикащика, вѣсомъ, новую пор-

цію табаку — мѣра, показывавшая экономическую предусмотрительность хозяина: она не позволяла мальчикамъ портить или терять матеріалъ. На стѣнѣ, прямо противъ входа въ комнату, висѣлъ образъ; поодаль отъ него, въ рамкахъ — постановленія, относящіяся до мастерского класса.

Кромѣ зданія фабрики, на дворѣ было еще два строенія: одно, въ которомъ помѣщались баня и прачешная; другое, въ которомъ жили мастеровые. Последнее заключало въ себѣ столовую, спальню, кухню и лазаретную комнату.

Все это настроилъ и устроилъ фабрикантъ безъ копейки долгу, на чистыя деньги, нажитыя своимъ счастливымъ ремесломъ. Сигарную фабрику свою Августъ Ивановичъ завелъ лѣтъ двадцать тому назадъ, когда ихъ въ Петербургѣ было немного. Самъ онъ былъ дѣятельнѣйшимъ работникомъ и возбуждалъ собственнымъ примѣромъ дѣятельность мастеровыхъ, которыхъ сначала было у него не больше пятнадцати. Ровно въ пять часовъ вставалъ онъ съ постели, и за нимъ всѣ поднимались на ноги и принимались за работу. Требованія на его сигары всегда почти превышали производительность; но Августъ Ивановичъ не спѣшилъ и не увеличивалъ число часовъ однажды назначенныхъ для работы и нивъ чѣмъ не измѣнялъ разъ заведеннаго порядка. Немедленно по открытіи своего заведенія, Августъ Ивановичъ женился на Шарлотѣ Христофоровнѣ — нельзя сказать, чтобы по любви, нельзя сказать, чтобы и по расчету, а вѣрнѣе: любви тутъ было ровно настолько, насколько было расчета. Въ такомъ счастливомъ супружествѣ, Шарлота Христофоровна ежегодно дарила Августа Ивановича ребенкомъ, такъ что черезъ десять лѣтъ фамилія сигарочника состояла изъ одинадцати человекъ; было бы двѣнадцать, но одинъ изъ дѣтей умеръ, къ прискорбію родителей. Содержаніе такого семейства, казалось, требовало большихъ расходовъ, на столъ, одежду, прислугу; но Шарлота Христофоровна въ дѣятельности и аккуратности по своей хозяйственной части нисколько не уступала своему супругу, а въ отношеніи экономіи даже превосходила его. Она вставала также въ пять часовъ, брала съ собой работницу или одного изъ фабричныхъ мальчиковъ и сама отправлялась на рынокъ закупать все нужное для семейства и для фабрики. Кушанье готовила тоже сама, съ помощію только одной русской работницы, отличавшейся необыкновеннымъ терпѣніемъ, крѣпостію мышцъ и

проворствомъ, которое подстрекалось больше ласкою Шарлоты Христофоровны, чѣмъ жалованьемъ, далеко не достигавшимъ до желаемой цыфры; впрочемъ, желанія работницы, можетъ быть, были неограниченны, какъ и вообще желанія человѣческія. Въ дѣтской, во время стряпни, надзоръ предоставлялся нянькѣ и дѣвицѣ, знающей шить и кроить по мѣркѣ; но хозяйка не разъ успѣвала-таки заглянуть и туда, пользуясь нѣкоторыми антрактами изъ своихъ кухонныхъ занятій. Одежда дѣтей почти ничего не стоила, кромѣ собственныхъ трудовъ Шарлоты Христофоровны и трудовъ дѣвицы, знающей шить и кроить по мѣркѣ; весь матеріалъ брался изъ годового гардероба поношенныхъ платьевъ родителей, и прикупать ничего не приходилось, потому что если число дѣтей и увеличивалось съ каждымъ годомъ, то, съ другой стороны, родители ихъ съ каждымъ годомъ значительно толстѣли и объемъ ихъ костюмовъ увеличивался черезъ годъ какъ разъ на столько, чтобы сшить одну лишнюю пару лишнему ребенку; такъ что изъ сѣраго сюртука Августа Ивановича, ежегодно возобновляемаго, черезъ десять лѣтъ супружества выходило ровно четыре куцыхъ курточки для четырехъ сыновей, а изъ платья Шарлоты Христофоровны — пять коротенькихъ платьицъ для дочерей. Возобновленіе поношенныхъ матеріаловъ производилось въ мастерской родителей Шарлоты Христофоровны — скорняка, красильщика и пятновыводчика, который получалъ плату за это сигарами для собственнаго употребленія. Жилъ Августъ Ивановичъ вообще скуповато; впрочемъ, по воскресеньямъ у него нерѣдко бывали гости; нѣкоторые приходили къ обѣду, и изъ приготовленныхъ блюдъ ни одно не пряталось отъ гостей. Только сигары предлагались гостямъ не изъ лучшихъ, но лучшихъ Августъ Ивановичъ и самъ не курилъ, по крайней мѣрѣ при гостяхъ. Въ большіе праздники бралась ложа въ нѣмецкомъ театрѣ и нанимался помѣстительный экипажъ.... Короче: образъ жизни Августа Ивановича, дѣйствительно, способенъ былъ возбудить зависть въ нѣкоторыхъ кружкахъ, но не представлялъ, къ сожалѣнію, удобства для подражанія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что процвѣтаніе домашней, хозяйственной части фабриканта и его фабричныхъ дѣлъ было плодомъ бережливости, аккуратности и дѣятельности — качествъ давно уже всѣми утвержденныхъ за нѣмцами; но изъ описаннаго видно также, что всему

тому немало способствовало и счастливое сочетание посторонних обстоятельств. Только правильное устройство фабрики въ новомъ домѣ, наружность которой мы описали выше, должно отнести единственно къ умѣнью Августа Ивановича распорядиться нажитыми средствами.

Внутренній порядокъ фабрики соотвѣтствовалъ наружному ея виду. Въ опредѣленный часъ и минуту мастеровые вставали, садились за работу, шли завтракать, обѣдать, ужинать, ложились спать. На дворѣ, въ свободные часы, играли въ бабки, чехарду и другія русскія игры, которыя если иногда переходили въ драку, то зло прекращалось въ самомъ началѣ, дядькой изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, который наблюдалъ за порядкомъ на дворѣ и въ домѣ мастеровыхъ: онъ вмѣстѣ съ ними жилъ и зналъ ближайшимъ образомъ характеръ каждаго изъ нихъ. Со двора отпускались какъ мальчики, такъ и наемные мастеровые, въ будни только въ случаѣ дѣйствительной необходимости, а въ праздники — до извѣстнаго часу, и за промедленіе дѣлались денежные штрафы. За пьянство и буйство немедленно отказывалось отъ мѣста, а съ мальчиковъ строго взыскивалось. Женщины, работавшія виизу, на ночь расходились по своимъ квартирамъ, и на фабрикѣ оставался только мужской полъ. Вообще хозяинъ строго наблюдалъ за нравственностью мастеровыхъ и рассчитывалъ на этомъ свою и ихъ собственную пользу. Одинъ здоровый и благообразный видъ мастеровыхъ свидѣтельствовалъ уже о пользѣ строгихъ мѣръ хозяина. Лицо съ заспанными или подбитыми глазами рѣдко встрѣчалось въ мастерскихъ Августа Штукенберга, даже послѣ большихъ праздниковъ, когда половина мастеровыхъ другихъ фабрикъ вовсе не являлась на свою фабрику, ни съ цѣлыми, ни съ подбитыми глазами. Условія, съ которыми мастеровые Штукенберга отпускались со двора, заставляли ихъ иной разъ отказаться отъ публичныхъ гульбищъ и проводить праздники дома въ полезныхъ занятіяхъ или въ удовольствіяхъ дешевыхъ и безвредныхъ. Такимъ образомъ, мастеровые Штукенберга легко уплачивали свой оброкъ и имѣли деньги на черный день. Сверхъ того, удаленіе отъ публичныхъ гульбищъ и развлеченій внѣ дома поселило въ нихъ охоту къ грамотѣ, которой они незамѣтно выучивались одинъ отъ другого, и рѣдкій мастеровой на фабрикѣ Штукенберга былъ неграмотный. Августъ Ивановичъ и тутъ наблюдалъ, чтобъ кнѣги, кото-

рыя они читали, были священныя или нравственныя, но одобрялъ, впрочемъ, также и пѣсни и сказки.

Собственныя дѣла Августа Ивановича шли какъ нельзя лучше. Сигаръ на его фабриктѣ вырабатывалось до пятидесяти тысячъ штукъ въ день и въ сбытѣ никогда не было остановки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи образовались для его сигаръ складочныя мѣста, — образовались сами собою, временемъ и извѣстностію, безъ хлопотъ со стороны хозяина, который отпускалъ товаръ не иначе, какъ на чистыя деньги. Потерь у Августа Ивановича никогда не было, а прибыль росла съ каждымъ годомъ, и, несмотря на то, что на фабриктѣ было около трехсотъ работниковъ, кромѣ приходящихъ женщинъ, хозяинъ продолжалъ принимать мальчиковъ въ ученье, когда угодно и сколько угодно. Увеличивая болѣе и болѣе дѣйствія своей фабрики, Августъ Ивановичъ зналъ напередъ, что число курителей его сигаръ непремѣнно увеличится на столько, на сколько онъ усилитъ производство. «Прежде рѣдкій курилъ, а теперь рѣдкій не куритъ!» говорилъ въ подобныхъ случаяхъ счастливый фабрикантъ и прибавлялъ, что недалеко то время, когда на человѣка не куряшаго будутъ указывать пальцемъ.

Дѣло было лѣтомъ. Августъ Ивановичъ сидѣлъ утромъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ письмо, пуская дымъ сигары черезъ нозь. Указательный палецъ его правой руки былъ украшенъ брильянтовымъ перстнемъ, а манишка запонками; все это означало субботу и предстоявшій семейный вечеръ въ клубѣ, куда онъ выѣзжалъ единственно для старшей дочери, которая готовилась быть невѣстой. Фабрикантъ былъ видный и красивый мужчина лѣтъ пятидесяти, высокаго роста и солидной полноты. Несмотря на свои лѣта, свѣжестію румянаго лица и густотою темнорусыхъ волосъ, онъ недалеко отсталъ отъ вистѣвшаго тутъ портрета, снятаго съ него въ молодости; особенно глаза съ сѣрыми зрачками посреди чистыхъ бѣлковъ сохранили вполне свою ясность. Вообще фizioномія его не носила ни малѣйшихъ слѣдовъ заботъ и волненій жизни, а скорѣе свидѣтельствовала, что счастливецъ постоянно хорошо кушалъ, еще лучше спалъ и всегда находился въ спокойномъ расположеніи духа. Въ эту минуту, однакожь, лицо его выражало нѣкоторое напряженіе. Причиною было содержаніе письма, которое онъ читалъ, или, вѣрнѣе, перечитывалъ, потому что прочитано оно

было еще вчера утромъ, тотчасъ по полученіи, но отвѣтъ отложенъ до слѣдующаго дня; онъ, можетъ быть, былъ бы отложенъ и далѣе, по важности его, но аккуратный Августъ Ивановичъ не откладывалъ никакихъ отвѣтовъ далѣе первой субботы. Въ письмѣ фабриканту, послѣ предварительной переписки, уступался наконецъ за сорокъ тысячъ домъ въ городѣ ВВ со всѣмъ обзаведеніемъ табачной фабрики и товаромъ. Что покупка была очень выгодна и необходима, это Августъ Ивановичъ давно уже рѣшилъ: въ этомъ домѣ онъ предположилъ основать отдѣленіе своей фирмы и предоставить его въ независимое распоряженіе будущему зятю; лучшаго приданаго для милой Амаліи нельзя было придумать. Но осторожный Августъ Ивановичъ задумался надъ вопросомъ: какъ устроить все это, то есть отдать деньги и принять домъ со всѣми принадлежностями и товаромъ? Наконецъ, однакожь, онъ написалъ отвѣтъ и рѣшительно обратился къ сидѣвшему въ углу кабинета за работой молодому человѣку лѣтъ двадцати-пяти, который, впрочемъ, съ виду казался пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, по своей тоненькой фигурѣ и нѣжному лицу, немного блѣдноватому.

— Генрихъ! сказалъ ему Августъ Ивановичъ, подавая написанное письмо: — прочитай это!

Генрихъ поспѣшно подошелъ и, взявъ письмо, сталъ читать по нѣмецки: «На предложеніе ваше, г. Каратулинъ, я согласенъ. Деньги сорокъ тысячъ рублей посылаю съ моимъ конторщикомъ и воспитанникомъ Генрихомъ Кнаббе....»

— Это со мной? спросилъ Генрихъ — и, казалось, нѣсколько струсилъ.

— О, да, конечно! Ты это сдѣлаешь хорошо! съ увѣренностью сказалъ Августъ Ивановичъ, опустивъ руку на плечо Генриха, который принялся благодарить за довѣріе и обѣщалъ постараться исполнить все какъ нельзя лучше.

— О, да, конечно! ты это сдѣлаешь! снова сказалъ хозяинъ и началъ дѣлать подробное наставленіе насчетъ осмотра при приѣмѣ дома и товара, пересчиталъ весь ассортиментъ разныхъ табakovъ и исчислилъ всѣ ихъ хорошія и дурныя свойства. — Но, мой Генрихъ! заключилъ онъ: — о, конечно!... ты самъ все знаешь.

Генрихъ отвѣчалъ утвердительно, и тотчасъ же была напи-

сана и послана публикація, въ которой приглашался попутчикъ до ВВ, на половинныхъ издержкахъ.

— Ну, теперь оставляя работу и пошли завтракать, сказалъ наконецъ Августъ Ивановичъ, взглянувъ на часы. — А потомъ иди купить себѣ чемоданъ.

Августъ Ивановичъ хорошо говорилъ по русски, только правильное употребленіе нѣкоторыхъ глаголовъ ему не удавалось. Генрихъ же, выросшій въ Петербургѣ больше между русскими, напротивъ, по нѣмецки говорилъ плохо.

Въ небольшой зеленой комнатѣ, за столомъ, накрытымъ бѣлой скатертью, сидѣло семейство фабриканта: съ краю — Шарлота Христофоровна, въ чепчикѣ туго накрахмаленномъ и свѣжемъ какъ ея полное лицо, покрытое легкимъ румянцемъ; за нею — мамзель Штукенбергъ старшая, Амалія — живая копія съ портрета матери, который находился въ кабинетѣ, рядомъ съ портретомъ Августа Ивановича; далѣе — половинный комплектъ дѣтей, обвязанныхъ салфетками, и, наконецъ, мамзель Саша: такъ звали дѣвицу, знающую шить и кроить по мѣркѣ.

— Генрихъ долженъ поѣзжать! сказалъ рѣшительно Августъ Ивановичъ, входя въ столовую въ сопровожденіи Генриха.

— Но онъ прежде возьметъ свой завтракъ, возразила Шарлота Христофоровна.

— О, нѣтъ! поѣзжать совсѣмъ изъ Петербурга! пояснилъ Августъ Ивановичъ.

Лицо Саши поблѣднѣло. Лицо Шарлоты Христофоровны выразило удивленіе; она вопросительно смотрѣла на супруга.

— О, да, конечно! снова произнесъ Августъ Ивановичъ, разрѣшая недоумѣніе Шарлоты Христофоровны: — онъ исполнитъ это! такъ ли, Генрихъ?

— Будьте спокойны, Августъ Ивановичъ! отвѣчалъ съ увѣренностью Генрихъ, между тѣмъ какъ Шарлота Христофоровна восклицаніемъ: «ахъ, да!» показала, что она поняла наконецъ о какой поѣздкѣ говорится. — Такъ это будетъ Генрихъ? прибавила она съ улыбкой, подавая Генриху бутербротъ и кофе.

— О, да, конечно! отвѣчалъ Августъ Ивановичъ: — нашъ Генрихъ, Генрихъ Кнаббе!... не кнаббе (не мальчикъ)... хе... а молодой человѣкъ... умный молодой человѣкъ Генрихъ Кнаббе!... Не такъ ли, милая Мальхенъ?

Мамзель Амалія отвѣчала утвердительно.

— О, да, конечно! заключилъ Августъ Иванычъ и потянулся за третьимъ бутербродомъ къ Шарлотѣ Христофоровнѣ.

Генрихъ благодарилъ всѣхъ за доброе мнѣніе о немъ и взглянулъ на Сашу, которая съ самого начала разговора стояла какъ окаменѣлая, держа въ рукахъ бутербродъ и кофе, и смотрѣла на Генриха съ нелюбопытствомъ и безпокойствомъ.

— Я возвращусь.... поспѣшно сказалъ Генрихъ, весело глядя на Сашу: — возвращусь какъ можно скорѣе....

И, обратясь къ Августу Иванычу и Шарлотѣ Христофоровнѣ, съ большимъ чувствомъ, онъ кончилъ свою фразу такъ:

— Возвращусь съ тѣмъ, чтобы услышать снова отъ васъ все, что теперь слышу лестное и пріятное для меня.

На это Августъ Иванычъ отвѣчалъ своимъ многозначительнымъ:

— О, да, конечно!

И Саша съ повеселѣвшимъ лицомъ ушла въ дѣтскую.

Черезъ нѣсколько минутъ Генрихъ съ озабоченнымъ видомъ шелъ къ своему другу Гарелину, поговорить и посоветоваться о важномъ порученіи Августа Иваныча.

ГЛАВА LIII.

ГЕНРИХЪ КНАББЕ И ДѢВИЦА, ЗНАЮЩАЯ ШИТЬ И КРОИТЬ ПО
МѢРКѢ.

Генрихъ, въ самомъ дѣлѣ, радъ былъ случаю показать на чемъ нибудь свою преданность къ Августу Иванычу, зная и глубоко чувствуя, что онъ воспиталъ его, совершенно безроднаго, хотя и до этихъ поръ Августъ Иванычъ не могъ сомнѣваться въ усердіи и добрыхъ качествахъ своего воспитанника. Генриху не было еще и семи лѣтъ, какъ онъ посаженъ былъ въ мастерскую и началъ дѣлать сигары. Потомъ, едва онъ успѣлъ показать въ этомъ свое проворство и старательность, Августъ Иванычъ взялъ его къ себѣ въ кабинетъ въ конторщики, потому что письма, счета и другія конторскія занятія день ото дня увеличивались, вмѣстѣ съ ходомъ его торговли, и Генрихъ былъ ему самымъ усерднымъ помощникомъ. До шестнадцатилѣтняго возраста Генрихъ ходилъ въ сѣрой курткѣ, носилъ дѣт-

скіе манжеты и совершалъ свои прогулки, по праздникамъ, не далѣе Адмиралтѣйскаго бульвара и Лѣтняго сада, и то въ сопровожденіи однаго прикащика, къ которому Августъ Ивановичъ имѣлъ большое довѣріе за его скромный образъ жизни и особенно за бережливость, доходившую до скупости. Въ самомъ дѣлѣ, Гарелинъ (такъ звали прикащика, о которомъ мы говоримъ и къ которому сѣѣшилъ теперь Генрихъ за совѣтами) велъ, въ бытность свою на фабрикѣ у Августа Ивановича, почти затворническую жизнь, вовсе ненатуральную въ его лѣта; никому не случилось видѣть, чтобъ онъ когда нибудь отъ души повеселился, сшилъ себѣ лишнюю обновку, или чѣмъ нибудь потѣшилъ себя. Кончивъ занятія на фабрикѣ, онъ шелъ въ свою комнату и тамъ занимался чтеніемъ и рисованіемъ. Постоянно угрюмый видъ его и уединеніе заставляли предполагать въ немъ или злого человѣка, или человѣка, снѣдаемаго какимъ-то тайнымъ горемъ. Но симпатичная натура Генриха инстинктивно угадывала послѣднее, и, можетъ быть, поэтому Генрихъ крѣпко подружился съ Гарелинымъ и проводилъ съ нимъ все свободное время у него въ комнатѣ, за чтеніемъ и растираніемъ красокъ, или въ прогулкахъ. Во время прогулокъ, съ бульвара Гарелинъ часто проходилъ на Англійскую набережную, останавливался противъ зданія Академіи художествъ и долго стоялъ задумавшись, потомъ молча и еще угрюмѣе возвращался домой. Генриху онъ тоже ничего не говорилъ о своей печали, можетъ быть потому, что считалъ его, за одно съ Августомъ Ивановичемъ, ребенкомъ. Черезъ два года, въ продолженіи которыхъ все жалованье его копилось у Августа Ивановича почти нетронутымъ, Гарелинъ, взявъ деньги, оставилъ свое мѣсто, также не объявляя никому о причинѣ, но пригласилъ, однако, Генриха не забывать его.

Неизвѣстно, долго ли еще Генриху пришлось бы одѣваться и жить дитятей, еслибъ одно обстоятельство не измѣнило взгляда Августа Ивановича на своего воспитанника. Генрихъ, съ тѣхъ поръ, какъ лишился общества Гарелина, началъ сильно скучать, но не рѣшался отпрашиваться у Августа Ивановича со двора, боясь, что это ему не понравится. Немного мечтательный, онъ развилъ въ себѣ эту склонность чтеніемъ нѣкоторыхъ романовъ, сталъ особенно тосковать по природѣ, завидовать свободной жизни прикащиковъ въ праздники, и вотъ, наконецъ, все